

Русские тексты

Как сотворились наша земля и вода

Сначала была утка. Другую утку, которую она сделала своим товарищем, послала со дна реки песок достать. Взяла принесённый песок, и послала её ещё раз, потом в третий раз. Но в третий раз, рассыльная утка не отдала всего.

Тогда первая утка говорит: «Оставшееся у тебя во рту станет камнем, и будет расти!»

Утка рассыпала песок и затем толкла его колотушкой девять дней. Обернувшись, посмотрела, земля её растёт, подымаясь пылью. А когда рассыльная утка выплюнула камни, увеличившиеся у неё во рту, на земле выросли большие горы.

Первая утка повернулась и говорит: «Зачем ты так сделала? Я не дам тебе земли!»

- Дай земли величиною с место, занимаемое юртою!
- Не дам!
- Дай место для сидения! Что буду делать не имея места?
- Не дам! – отвечает та.
- Дай место, занимаемое ступнями! –
- Не дам! – отвечает первая утка.

—
Дай место занимаемое моей тростью, которою я оперлась! Пусть отныне тебе меня не видеть, а мне тебя!

Рассыльная утка, где стояла, там и проткнула насквозь место, занимаемое её тростью и стала жить в нижнем мире. Они разделились.

Первая утка превратилась в Бога-Худай, а вторая в Эрлик-хана, хозяина нижнего мира.

Первая утка: «Землю я сделала, но нет ничего живого, плохо.» Сделала человека, а за дыханием-*тын* отправила ласточку. Стеречь лежащего человека оставила голую собаку: «Как бы Ирлик-хан недоброе не сделал, непрерывно лай, не подпускай. У тебя пронзительный голос. Жди, ласточка через три дня прилетит, я тоже в это время приду.»

После неё приходит Ирлик-хан. Никак не может подступиться к человеку. Взял да и напустил зиму. Собака стала замерзать. Ирлик-хан говорит: «Собака, перестанешь лаять, тёплую шубу дам.»

Собака завернулась в тёплую шубу, улеглась, лает так себе, для вида.

Ирлик-хан подошёл к человеку, заплевал его и исчез.

Худай-бог пришёл, увидел заплеванное, хотел смыть да ничего не смог поделать. Что делать? Наружное вывернул вовнутрь.

Ласточка прилетела. Худай-бог в человека хут-душу вложил, тот встал. Худай всё это делал будучи невидимым. Потом и говорит себе: «Человека я сделал, а как он без ближнего будет жить?» Тут из его сѹбее, одной из семи душ-хут, сделал женщину.

Гора Читі хыс — Семь девушек

Говорили люди друг другу, что в давние-предавние времена горы женились.

Неподалеку от *аала* Анжуй стоит скалистая гора под названием *Чити хыс* — Семь девушек. Вот как получилось так, что ее назвали *Чити хыс*.

Некогда задумал *тасхыл Кӧл-Тайга* — Озёрная тайга (его также называли прежде *Ир тасхыл* — Мужчина-гора) жениться на *Чити хыс*. Та же хотела соединиться с горой *Миндӱра* — Град-гору.

И вот отправился *Кӧл-Тайга* свататься к деве-горе *Чити хыс*. Но та, не желая выходить за него замуж, свадебной чаши с аракой не приняла. Семь дней сватался к ней *Кӧл-Тайга*. Видя, что дева наотрез отказывается идти за него, *Кӧл-Тайга* разгневался: «Если ты за меня не пошла, то и за другого тоже не пойдёшь!». Сказав так, он с силой ударил её. С тех пор *Чити Хыс* распалась на семь вершин.

Невеста горного духа

Жила-была одна женщина. Была у неё дочь красоты необыкновенной. Пошли они как-то раз на гору, ягоды собирать. Побродили вместе, вскоре дочь отправилась за гору, авось там ягода гуще растёт. Мать ждала-ждала — той всё нет. Стала аукать, дочь с той стороны горы откликается.

Перебралась кое-как мать на ту сторону горы, а дочери там нет. Встревожилась мать, стала опять кликать, и, что за дела, дочерин голос доносится с той стороны, где мать только что была. Мать снова на ту сторону—не видать милой доченьки. Начинают перекликаться, и всякий раз дочь отзывается с другой стороны. Догадалась мать, что дело тут нечисто, похоже на проделки горных духов. Уводили горные духи, и не однажды, красивых девушек народа, живущего под солнцем. Заплакала мать, жалко ей дочь! Да что поделаешь, надо домой возвращаться—уже темнеет.

Вот осиротевшая женщина год живёт одна, второй год, третий. Каждое лето в ягодную пору отправляется она на ту гору, где потеряла свою дочь, ищет её, зовёт, кричит, и горько причитает. Но никто в ответ не откликается—никого она не находит.

И на третий год отправилась мать на прежнее место. На ягоды и не смотрит, не переставая зовёт свою дочь, причитает. Вдруг слышит, за спиной словно что-то упало. Оглянулась — а в горе, там, где ничего не было, отворяется дверь, и выходит оттуда человек.

— Хватит, женщина, причитать! Покоя нам нет из-за твоих стенаний! Наш народ не любит, когда в горах шумят, смеются, а ещё больше, когда причитают, — безбровое лицо его было сердито, а круглые глаза покраснели от злости — вид необычайно противный. Идёт, а шелковые и парчовые одежды на нем поскрипывают. Идёт ли прямо, идёт ли вбок, поворачивается всем станом, словно скала. Голова туда-сюда не поворачивается.

— Да это же *таг ээзи*, горный дух! — сердце матери словно холодом окатило.

И вновь запричитала мать:

— Осиротела я, тягостно мне жить одной, есть нечего, и дров у меня нет.

Видит горный дух, не перестаёт женщина, махнул рукой и пошёл обратно. Бедная мать — за ним. Вошла в гору и обомлела — злата-серебра, что под горой спрятаны, видимо-невидимо, в глазах рябит. Тут горный дух оглянулся, увидел её и закричал громовым голосом:

— Кто тебя пустил сюда?

Мать, глядьб — ни горного духа, ни двери нет! Сама она стоит у подножия горы. А рядом дочь!

Люди в *аале* дочь её не узнали. Вся сверкает дорогими шелками и парчой. Где была и что с нею было, никому не открывается. Но всё же пронёсся окольный слух, что три года

подряд сватался к ней сын горного духа. Да только не соглашалась она выходить замуж. Так и отправили её горные духи домой. Дольше трёх лет там нельзя держать.

Зажили с тех пор мать с дочерью богато, непонятно только было, откуда у них добро появлялось. А дочь, какая она красавица ни была, замуж так и не вышла. До самой её старости, её называли *хос марах* — особая пуговица невестой горного духа.

Человек, который зимовал в берлоге

Некогда отправился один человек как-то зимой в тайгу на охоту. Бродит он по тайге на лыжах, охотится. Вот ходит он день. На следующий день снова пошёл охотиться. Охотился он до самого вечера, вечером отправился назад к своей избушке и не смог найти его. Не нашёл, да и заночевал под деревом. Утром проснулся охотник и снова отправился искать свою избушку. Бредёт по тайге и вдруг видит—медвежья берлога. А надо сказать, что у него два дня во рту маковой росинки не было. Забрался он в берлогу, а там—медведь, лежит и не шевелится. Думает охотник: «Полежу-ка и я немного!», — лёг рядом с медведем, да и заснул.

Вот пробудился охотник ото сна, глянь — а медведя нет, ушёл. Выбрался охотник наружу из берлоги, а там — зелёная трава выросла, кукушка кукует. Недоумевает охотник: «В тайгу я пришёл посреди зимы. Захотел вздремнуть, лег посреди зимы поспать и, гляди-ка, проспал до кукования кукушки».

Вот он и думает: «Куда, в какую сторону мне идти? Чёрт его знает, куда мне идти. Я ведь и дома своего теперь не найду». И пошёл куда глаза глядят. Шёл он шёл и думает: «Присяду-ка я, отдохну». Сел.

Вдруг видит — направляется в его сторону человек верхом на лошади. Подъехал он к охотнику и приветствует:

— Здравствуй!

— Здравствуй! — отвечает охотник.

Всадник спрашивает его:

— Чей ты, что ты за человек?

Ну что ж, раз тот спросил, этот отвечает:

— Заплутал я, домой попасть не могу! Есть хочу, голоден я!

Дал ему тот человек поест палёных рогов зверя. Охотник от одного запаха сыт становится.

— Ты почему не ешь? — спрашивает всадник.

Охотник отвечает:

— Я сыт от одного лишь запаха горелого!

А всадник и говорит ему:

— У тебя дома поминки по тебе справляют. Твоя жена думает, что ты умер.

Справляя поминки по тебе, по обычаю жгут жертвенную пищу чтобы твой хут-душа насыщалась. Вот от её-то запаха ты и делаешься сыт. А теперь садись за мной, отвезу тебя домой.

— Ладно, вези.

— Только зажмурь глаза, смотри, не открывай! Глаза откроешь только тогда, когда велью.

И они поскакали. Только ветер в ушах свистит — так быстро они скакали. Вот конь остановился, и всадник говорит охотнику:

— Открывай глаза.

Охотник открыл глаза, смотрит — стоят они перед его юртой. Всадник говорит ему:

— Никому не говори, что это я привёз тебя. А если скажешь, убью!

Вот охотник заходит в юрту, а всадник поскакал вон.

Заходит охотник, смотрит — жена спит. Не стал будить её, тоже лёг спать.
Жена проснулась, увидела его и думает: «Вот лежит человек, похожий на моего мужа!». А разбудить его боится. Потом все же разбудила и говорит ему:
— А мы думали, что ты умер.
Он отвечает:
— Нет, я не умер. Я заблудился и долго спал.
— Мы думали, что ты умер, и уже справили по тебе поминки. А как ты добрался сюда, как ты дом свой нашёл?
Он только хотел сказать, что его привёз такой-то и такой-то, но тут тот, кто привёз, и говорит ему на ухо:
— Тс-с, молчи!
Этот голос жена его не слышит.
Жена на радостях наварила *арага*, вина — муж ведь вернулся. Вот они, наварив вина, пьют. Жена снова спрашивает его:
— Муж мой, почему ты не рассказываешь, как добрался сюда?
Муж погрузился в печаль.
— Чего ты печалишься?
Он и думает: «Что тот человек со мною сделает?», — и давай рассказывать. Рассказал, вышел из юрты справить нужду, а там—тот человек, что привёз его, стоит, и ругается:
— Я же предупреждал тебя, чтобы ты не рассказывал. Так почему же ты рассказал? Выругал его, да прямо тут и задушил его руками.
Всадник этот был *таг ээзи* — горный дух.

Горная дева и Кёчим-хан

Некогда в той стороне, где заходит солнце, по соседству с племенем *хызыл-кызылы*, властвовал Кёчим-хан, могущественнейший из *пигов*, владетельнейший из ханов. И вот пришло на его земли с войной казачье войско с железными палками, изрыгающими огонь. Длина летящих во врага стрел оказалась короче длин этого страшного огня. Множество воинов погибло.

Как-то раз сидел Кёчим-хан у высокой скалы, погружившись в печальные думы — не мог он более полагаться на ослабевший свой народ. Вдруг в скале отворилась дверь, и из неё вышла дева — пятьдесят косичек по плечам, шестьдесят по спине струятся. Лицом светлая, красивая.

— Возьмёшь меня замуж, — говорит, — помогу одолеть врагов.

Не решился Кёчим-хан соединиться с горной девой.

Много своего народа, земель, скота потерял хан в этой войне — треножки в очагах опрокинуты, зола по ветру разметена. Да разве устоят деревянные стрелы против железных пуль?

И вот сидит снова Кёчим-хан в глубоких раздумьях у той же самой скалы. А из неё, снова та дева выходит, только на этот раз волосы у неё заплетены в две косы по обычаю замужества. Косы на концах соединены — знать, муж находится в здравии.

— Одолевают тебя враги, — печально вздохнула дева.

— Помоги мне, — взмолился Кёчим-хан, — вместе жить будем.

— Поздно, — ответила дева, теребя косы. И пропала.

Не должен был Кёчим-хан забывать, что люди наши произошли от горного народа.

Змеиноногая хозяйка-дух горы Ирт

В том месте, где встречаются течения великого Енисея и Абакана, возвышается гора Ирт. В те далёкие времена, когда они только начинали свой бег, заспорили две реки—Абакан и Енисей, кто из них первым путь к морю проложит. Вот отправились в путь: бегут среди *тасхылов* и тайги, пересекают степи. И встретила на их пути гора Ирт. Енисей спокойно, не останавливаясь, обогнул её и помчался дальше. А Абакан попытался с разбега пробить её насквозь, но не смог сделать этого. Не под силу оказалось ему это, и вынужден он был обогнуть гору Ирт с другой стороны, (куда ж ему деваться?), где и слился с Енисеем. А тот уже давным-давно умчался вперед!

Остроконечную вершину горы Ирт прежде называли *чочах*. Внутри этой вершины *чочах* темнелась глубокая яма, вроде подпола. Зимой оттуда валил пар. То было змеиное гнездо. Эта яма была местом зимовки змей. Летом же, когда стояла засушливая погода, змеи спускались напиться воды к протокам Абакана.

Гора Ирт—не простая гора. У неё был свой горный дух. Говорят, то была хозяйка с жёлтыми волосами, ноги у неё были змеиные. Жёлтые волосы её были заплетены в две толстые косы, концы кос были связаны. Она считалась хозяйкой змей. Ходил слух, что жёлтовласая горная дева со змеиными ногами и была хранителем змей. Она же охраняла реки Абакан и Енисей.

Белоглазые богатыри-алыпы Ах-Харах

В устье речушки Ниин-рукав, что берёт начало на снежной вершине Харлыг-хана, есть небольшое селение, *аал* Айов. Вся местность вокруг него усыпана большими и малыми курганами. Некоторые дома построены прямо на курганах. Дом, в котором жила наша семья, стоял на едва заметном возвышении. В ограде перед высоким крыльцом находился древний могильник. Края его были огорожены поставленными на ребро тонкими каменными плитами. Они были врыты глубоко в землю. Над землёю торчали их невысокие гребни. Наружная ограда была четырёхугольной, но внутри в центре виднелись очертания прямоугольника. Судя по его размерам погребённый был высоким человеком.

В семидесятые годы семья решила построить курятник. Место выбрали в одном из углов ограды, в той стороне, откуда всходит солнце. Начали копать там яму. С глубины полутора или двух метров вырыли бедренную кость необычных размеров. Жители *аала* в основном занимались скотоводством. Они прекрасно знали анатомическое строение животных. Но эта бедренная кость их поставила в тупик. Из знакомых животных никому не принадлежала. Вскоре эта весть обежала всю деревню. Кость вырывали друг у друга, примеряли на себе, на животных. Но загадка оставалась загадкой. Вот тут-то и вспомнились легенды о народе Ах-харах, богатырях-*алыпах* с белыми глазами. Появились предположения, что кость принадлежала человеку из народа Ах-Харах.

Было это в очень стародавние времена. На землях, лежащих между реками Енисей и Абакан, жил народ Ах-харах. Они были очень крупными и высокими. Нынешний человек ростом всего-навсего с их бедро. Имя *Ах-харах* осталось за ними потому, что весь глаз у них был белым, лишь зрачок чернелся, который назывался олганах-малышок.

Нынешние степи тогда все были покрыты тайгой. Богатыри-*алыпы* Ах-харах, для их нужд рвали деревья, словно траву и ломали об колено словно прутья. Спустя много поколений, когда одному из моих далёких прадедов было двенадцать лет, произошла катастрофа. Корни могучих таёжных деревьев под землёй взялись огнём. Стволы, находящиеся над землёй, вслед за ними стали обугливаться до высоты четверёхлетнего ребёнка, и стремительно падали. Было странно смотреть на это зелёное кладбище с почерневшим основанием стволов.

Жилищами *Алыпов* Ах-харах были курганы. Ножи и топоры они делали из камня и меди. Иногда и сегодня в курганах отыскиваются их ножи с медными рукоятками. Землю они не пахали, зато скота было без числа. Быки обходились без пастухов, сами выгуливали коров и телят. Белолобые жеребцы-*асхыры* водили табуны. Богатырские кони *аран-чула* знали с духами, говорили на человеческом языке. Хозяев, бывало, выручали из беды, давали советы.

Чтобы трава лучше росла, люди Ах-харах рыли канавы. Пили они *айран* да *кумыс*, ели мясо. Жир в бульоне сверху плавал шириною в четыре пальца. Из шкур животных шили себе одежду, а из камысов тачали *маймаху*-сапоги. Верхние пуговицы шубы на груди даже в самые лютые морозы не застёгивали. Грудь от мороза становилась красной, как пылающий костёр. Но они никогда не болели.

Но пришло время, они сами на себя не стали похожи. Захотелось им дно земли увидеть. Кичась своей силой, стали рыть землю. Потом они взоры обратили на небо. Стали вверх камни кидать. Верховным Божествам—*Чайаанам* всё это перестало нравиться. И вскоре на земле Ах-харах стали появляться белые берёзы. Испугались люди Ах-харах ведь кроме чёрной берёзы, другую они не знавали.

Обратились к своим шаманам. Три дня и три ночи камлали их самые могущественные шаманы. И сказали тогда они народу Ах-харах: «Заполнится наша земля белой берёзой, власть над нами возьмёт белый царь — *Ах-хан*». Курганные *алыпы* Ах-харах стали белую берёзу выдёргивать, словно траву. Но берёз стало всё больше и больше.

Не желая жить под властью белого царя *Ах-хана*, они решили погрести себя в своих жилищах. Все как один вошли в курганы свои, каменными топорами ударили по каменным опорам. И не стало их. Собаки их выли-выли возле курганов, стали волками. Большие курицы их бегали вокруг курганов, превратились в дикую птицу *дрофу-тоодах*. До сих пор дрофа всё возле курганов ходит.

Горная дева и *хомыс*

Заспорили два богатыря, чьи охотничьи угодыя богаче. Спорили они, спорили, да и решили построить каждый по мосту через горную реку — кто первый управится, тому и достанутся лучшие земли. Разозлились они друг на друга и договорились, что пока будут строить, ни единого слова не вымолвят. Кто первым заговорит — тот и проиграл.

Начали строить. И вот как-то раз, в один жаркий день услышали они за горой причудливое девичье пение. Звуки неведомого инструмента сопровождали пение. Один из богатырей не стерпел и крикнул:

— Кто ты, девица-красавица?

В ответ раздался гром и сверкнула молния с небес. Только видно было, как дева ударила оземь свой инструмент, на котором играла, и пропала. Потом пошли люди туда, где упал на землю музыкальный инструмент, но сумели найти лишь его отпечаток. Сделали по этому отпечатку *хомыс* и стали петь под его звуки.

Светлый человек и охотник

Отправились два брата на охоту. Дошли они до своей избушки, затолкали в него своё барахлишко, переночевали, а утром пошли охотиться. Первый день ходили до самого вечера, и хоть бы один зверь попался одному из них. На следующее утро снова пошли братья охотиться. Один из братьев, ничего не сумев добыть, вернулся пораньше (а второго ещё нет). Ну, значит, сидит этот брат, ждёт. Всю ночь ждал—нет брата. Утром, не

дождавшись, собрался и отправился домой. Тот брат вечером приходит к избушке, смотрит—ни брата, ни лошади нет. Видать, домой вернулся, оставив ему запас еды.

Вот развёл брат, что остался в лесу, костёр, сидит. Скучно ему стало одному. Сидел он, сидел, да и положил рядом с собой на землю кусок дерева. А потом и шапку на него надел. Сидит он так один, да и поёт *хай* горловым пением. Пел он, не останавливаясь, до полуночи. В это время, откуда ни возмись, входит к нему в избушку *сарыг кизи* — светлый человек. Вошёл, здоровается:

— *Изен* — здравствуй!

Охотник замолчал, перестал петь: «*Таг ээзи* - горный дух,» подумалось ему.

Тот человек говорит ему:

— Продолжай петь.

А он отвечает:

— Я не умею.

Светлый человек говорит:

— Пой, я слышал, как ты поёшь, большого таланта ты *хайджи*.

А этот уперся, нет, не умею, мол, я петь.

Тут уже начало светать, светлый человек собрался уходить. Говорит охотнику:

— Пока я не вернусь, никуда не уходи. Сиди в избушке, да дров побольше наготовь.

Ушёл светлый человек. Охотник в ожидании его прихода наготовил побольше дров. Ближе к вечеру вскипятил чай, наварил еды, сидит, ждёт светлого человека. Только наступил вечер — светловолосый человек тут как тут:

— Ну давай пой. Вчера ты не стал петь, давай теперь сказывай сказ.

Испугался охотник, думает: «Пропал я, ждёт меня погибель от этого человека».

Думает, будь что будет, и запел. Всю ночь пел. На рассвете говорит светловолосый человек охотнику:

— Ну что ж, хорошо. Послушал я твоё пение-*хай*. А теперь пойдём ко мне в гости.

Раз приглашает, охотник соглашается, что ж, пойдём.

Прихватил охотник своё ружьё, идет следом за ним. Шли они, шли и пришли к большой скале. Подошли к скале, светлый человек открыл дверь и вошёл. Охотник же остался стоять перед дверью, боится войти. Светлый человек вышел наружу и говорит, чего не входишь, стоишь. Ну, раз велют, охотник и входит. За этой дверью ещё одна дверь. Вошли в ту дверь, смотрит охотник—золотой стол стоит, а на столе игральные кости лежат. Вдруг откуда ни возмись—чёрный человек *хара кизи*. Светлый человек усаживает охотника играть с тем человеком в кости. Охотник говорит, что не умеет играть, но тот насильно заставляет, проверяет, хороший человек охотник или нет. А сам думает: «Чёрный человек — это злые силы горы. Не остаться бы здесь навек.»

Сел играть. Играли они одну ночь и один день. Охотник по всем статьям победил чёрного человека. Тот вскочил на коня и ускакал.

Вышел охотник из горы, идёт к своей избушке. Идёт, а ему на пути попадается множество зверя. Настрелял он целый вьюк, тащит. Приготовил себе поесть, поел, сидит у костра, шкуры со зверей снимает. Вскоре снова появляется светлый человек.

— Мы опять в гости придём, так что ты нас жди, дров наготовь, — сказал и ушел.

Наготовил охотник как можно больше дров. Разжёл костёр, сидит ждёт. Сидит один, снова запел.

Вскоре тот пришёл, вместе с ним женщины, девушки.

— Почему так мало дров наготовил? — говорит светлый человек.

Охотник только знай подбрасывает дров в костёр. Большой разгорелся костёр.

— А теперь сказывай нам сказы, — говорит светлый человек.

Охотник, огорчённый, стал петь. Вот он пел-пел, как у него кончились дрова. Светлый человек сам стал собирать дрова и подкладывать их в костёр. На рассвете гости засобирались уходить.

— До свидания, — говорит он охотнику, — я опять приду. Пока не приду, не уезжай, жди.

Ушли.

На следующую ночь светлый человек снова пришёл, держит в руках небольшой мешок. Вынимает из мешка звериные шкурки и подаёт охотнику. Охотник складывает их возле себя. Немного погодя смотрит—возле него огромная куча шкурок, а у того в мешке все не убывает.

Вот человек и говорит:

— Теперь достаточно, езжай домой.

Охотник растерялся:

— Как я унесу так много шкурок?

— Ну что ж, придётся тебя доставить домой.

Кликнул светлый человек своего коня. Навьючил на него горой все шкурки, да так, что сумел сесть верхом, лишь встав на спину охотника. И охотника посадил с собой. Сели они так вдвоём верхом на коня и помчались — только ветер в ушах свистит. Прошло немного времени, и вот они уже у его дома. Говорит светлый человек охотнику:

— Твой брат будет приставать к тебе, чтобы ты с ним поделился мехами. Тебя и бить будут, да только ты не сдавайся. Если тебе и впрямь станет неважно, кликни меня, помогу. И точно, немного погодя услышал брат охотника весть о том, что тот вернулся из тайги, и явился к нему:

— На охоту мы вместе ходили, давай делить шкурки.

— Почему это я должен делиться с тобой?

— Добром не отдашь, силой возьму, — отвечает брат.

Собрал он народ, пошёл на поклон к большому *нигу*. Тот говорит:

— Всё верно, вы вместе ходили на охоту, по обычаю надо делиться.

Охотник упорствует:

— Нет, не дам я ему.

Тогда *ниг* зовёт двух прислужников и велит бить охотника, чтобы неважно было нарушить древние охотничьи обычаи. Вот стали охотника бить, да так сильно, что не выдержал он и позвал на помощь светловолосого человека.

А тот—тут как тут, раскидал обидчиков туда-сюда. Те ничего поделаться не могут, потому что не видят они светлого человека. Вот, значит, раскидал их, те и говорят, не справиться нам с ним.

Народ разошёлся по домам, брат охотника тоже ушёл несолоно хлебавши. Охотник же, продавая шкурки, стал богатеть.

Глаза, горевшие как свечи

Жили-были два брата. Отправились они на охоту. Пришли в тайгу, легли спать. Один брат спит, другой не спит, бодрствует. Один спит, а другой лежит, смотрит, и вдруг видит—над спящим загорелись две свечи и пошли вон от него. Брат встаёт и идёт вслед за свечами. Вот свечи достигли отвесной скалы и вошли в нее. Он вслед за ними. Смотрит—скала полна самых дорогих звериных шкур!

Вот свечи повернули назад, выходят из скалы. Он вслед за ними. Смотрит — они направляются обратно к спящему брату, дошли до него и погасли.

Тут спящий проснулся и говорит брату:

— Приснился мне удивительный сон, будто бы я вошёл в некую скалу и увидел внутри неё дорогие звериные шкуры.

Рассказал он свой сон, и отправились на охоту. До самого вечера бродили. Встретится им белка, белку стреляют — хорошего зверя нет. Вернулись вечером к себе в избушку, снова ложатся спать. Переночевали, а на утро тот брат, что бодрствовал той ночью, и говорит:

— Давай вернёмся домой. Только зря дни здесь проведём, а зверья никакого не настреляем.

Что ж, возвращаются домой.

Проходит какое-то время, и тот брат, что бодрствовал, опять собирается в тайгу. Ушёл он, ничего не сказав своему брату. Пришёл один к избушке, где они ночевали, а оттуда —прямоком к той самой скале, в которой он видел дорогие звериные шкуры. Вошёл в скалу, набрал шкур и вернулся к избушке. Оседлал своего коня, наложил шкуры поверх седла, отправился назад домой. Продав звериные шкуры, разбогател. Брату же так и не сказал, как он разбогател, откуда деньги взял.

Ходили к скале две свечи. Те свечи были два глаза спящего человека.

Семь человеческих душ хут

Когда рождается ребёнок, когда он вот-вот готов появиться на свет, его поджидают, стоя по обе стороны матери, Светлый Творец-*Чайаан* и Чёрт-*Ўзүт*. Каждый из них готовится, как только ребёнок покажется, схватить его душу *хут*. Кто из них первым схватит, такова и будет доля ребенка. Схватит *Ўзүт*—ребёнок недолго проживет. Либо будет он творить людям лишь зло подобно маленькому чертенку. А схватит *Чайаан*—жить ребёнку в богатстве, быть ему умным да красивым, народ будет его почитать. Поэтому для того, чтобы душа *хут* ребёнка во время родов не попала в лапы *Узүта*, мать должна, только головка ребёнка покажется наружу, сказать: «Ребёнок—мой, имя ему—*Ай-Күн*, Луна-Солнце, пусть он будет похож на девочку ли, на мальчика ли». Этим она поможет Светлому *Чайаану*.

А ещё каждый человек рождается со своей собственной долей — *үлүс*. Этот рожденный вместе *үлүс* помогает человеку в трудные времена. Его нужно все время притягивать, не отпускать от себя.

Помимо доли—*үлүс*, у человека есть семь душ—*хут*. Все они разные. Если человек будет следить за своими снами, то он будет знать, сколько душ у него осталось, сколько ему осталось жить. И, в самом деле, когда переправляешься во сне через реку, роняешь в воду туфли или что-нибудь ещё, это означает, что одной из твоих душ завладел *сур ээзи*—хозяин воды. А вот ещё иногда снится, что с тебя снимают что-нибудь из твоей одежды или что-нибудь ещё. Значит, твою душу забрал себе хозяин горы—*таг ээзи* или какой-нибудь другой дух. Если же ты хочешь вернуть свою душу, нужно, как только проснёшься, отыскать то, что ты потерял во сне, и показывая это, поворачиваясь, на все четыре стороны, хвастать: «Вот, мои шапка, платок, перстень! Никому я не отдала! Они у меня! Смотрите!». При этом нужно браниться, язык высовывать. Тогда твоя душа *хут* вернётся к тебе.

Вот так и смотришь по снам, сколько у тебя душ осталось, сколько тебе жить осталось. Если же у тебя осталась только одна душа, это означает, что вскоре ты вернёшься в истинный мир; эта душа проводит тебя туда.

Женщина—горный дух

Отправились двое товарищей на охоту. Один остался избушку строить, суп-*ѳгре* варить, а второй пошёл охотиться. Вдруг в тайге раздался человеческий голос. Тот, который остался делать избушку, смотрит—бежит голая баба. Подбежала к нему и давай щекотать. Пришла, уселась за огнем. Снова начала его щекотать.

Он бы убежал, да боится быть съеденным. Не двигается мужик с места, сидит, курит табак. Та голая баба, подражая ему, подохла деревяшку словно трубку и тоже будто бы курит. Тут мужик вспомнил о ружье. Схватил ружьё, приложил его к щеке, прицелился ей меж двух грудей и—выстрелил. Бабу ударило выстрелом, она побежала и вот—нет её. Мужик как сидел, так и продолжал сидеть, ружьё держит за собой.

Вот возвращается его товарищ. На поясе вкруговую белки навешаны —много настрелял.

— Что тут у тебя, парень, приключилось? — спрашивает. Тот молчит.

Товарищ во второй раз спрашивает:

— Что ты молчишь?

И только когда в третий раз спросил, тот отвечает:

— Недавно сюда приходила некая голая баба. Стрелял я в неё.

— Куда ты в неё выстрелил? — спрашивает товарищ.

— Меж двух грудей.

— Ну-ка, давай посмотрим то место, где ты стрелял в неё.

Пошли, смотрят—на снегу кровавые следы. Вернулись они к избушке, зарядили свои ружья и пошли по следу. Идут они и видят—следы той бабы ведут в чёрную скалу. Изнутри доносятся человеческие голоса.

Плачет, укоряет там один человек:

— Семерых мужчин ты сделала своими мужьями, неужто не насытилась? За восьмым отправилась, и вот — сама умерла!

Вслед за этим другой говорит в той же горе:

— Захотела ты убить бедняг, искавших пищу в горах и реках, и вот — сама умерла!

Другой снова говорит:

— Пойдём ночью к тем двоим, убьём их.

Услышав все это, возвращаются два товарища к своей избушке. Пришли. Слышат — некто иной сверху молвит им:

— Не ночуйте здесь!

Вот наступил вечер. Варят товарищи себе суп-*ѳгре*. Сварился суп, сняли они его с огня, едят. Поели, сидят—табак курят. Покурили, пошли, нашли две голые колоды с содранной корой. Принесли они эти колоды в избушку. Положили по обе стороны огня, не забыв накрыть их своими войлочными шубами.

Встали с ружьями по обе стороны избушки.

Зашуршала трава. Потом пришли два парня.

Принимая те колоды за людей, говорят друг другу:

— Ты бери себе одного, а я возьму другого.

И вот когда два товарища стояли наготове, пришли два человека, и те двое выстрелили в тех. Выстрелили, и нет тех—ушли. Вот вошли товарищи в свою избушку. Снова сидят—курят табак. Покурили, вынесли колоды вон. До рассвета подкладывали дрова в огонь, от страха спать не могут. Вот рассвело. Вот они варят себе суп-*ѳгре*. Привели лошадей, седлают их. Оседлав, собираются домой. Вьючат свои вещи. Сели верхом на лошадей, отправились в путь. Возвращаются домой. Приехали.

Жены спрашивают их:

— Почему так рано вернулись?

— Голая баба приходила к нам.
Рассказывает один из товарищей:

— Я стрелял в ту голую бабу. Затем мы пошли по её следу. Зашли в чёрную скалу. А там говорит один человек: «Захотела ты убить бедняг, искавших пищу в горах и реках, и вот—сама умерла!». Потом двое стали сговариваться: «Ночью убьём охотников». Потом мы принесли две колоды и положили их лежа. Сами сели по обе стороны избушки и стали караулить. Зашуршала трава. Потом пришли два парня. Мы оба выстрелили в них. В ту ночь мы совсем не спали, не давали огню потухнуть. А утром оседлали коней и уехали отсюда.

Закончил он рассказ, и говорит ему один старик:

— Та голая баба являлась ко многим охотникам. Щекотала их, и если кто начинал бежать, она догоняла его и убивала. Как только человек умирал, она делала его своим мужем. Если бы ты не остался на месте, а побежал, она точно так же убила бы тебя и сделала своим мужем.

Сыганак—Локоток

Отправился как-то мужичок по имени Сыганак, что означает Локоток, на каменистую гору дров заготовить. Целый день допоздна рубил он деревья. Наутро, ни свет, ни заря, снова принялся стучать топором. И так до самого вечера. Вдруг, откуда ни возьмись, стоит перед ним горный дух — *таг ээзи*.

— Вызываем тебя, — говорит, — на состязание, за то, что третий день не даёшь ты нам покоя ни днём, ни ночью.

Без слов схватил срубленное Сыганаком дерево и потащил его. Раз-два дёрнул, обернулся и ворчит:

— Что стоишь, давай помогай! Толкай сзади.

Ухватил Сыганак другой конец и давай толкать. Потасили, но слишком уж быстро тащат — начал Сыганак уставать. Думает, надо что-то придумать. И вот что придумал. Стал Сыганак, когда горный дух не смотрел назад, садиться верхом на дерево. Так и ехал на дармовщину.

Вот прибыли они на противоположную сторону горы. Горный дух топнул по земле три раза ногой, и в горе отворилась дверь. Они вошли в гору, и дверь тотчас же исчезла, будто её никогда и не было.

Привели Сыганака к *нигу*, главному горному духу, и набросились на него с бранью, мол, покоя нам не даёшь. Однако ж накормили его. Смотрит Сыганак, а в супе-*үзге*, которым горные духи угостили его, вместо крупы камешки плавают. Сыганак незаметно суп под каменный стол выливает, а сам притворяется, будто ест.

Уложили его спать — ложе ему постелили на каменистом выступе. Слышит Сыганак в полночь — сверху грохот, на него что-то падает. Он быстро скатился на пол, и еле успел это сделать, как сквозь толщу горы на его постель свалился огромный камень. Еле-еле сумел Сыганак перед самой зарёй скинуть с постели этот камень. И снова улёгся спать.

Утром заходит к нему один горный дух. Увидел Сыганака живым и невредимым, глаза вытаращил.

— Как же вы неопратно живёте! — упрекает его Сыганак, — на меня среди ночи червяк какой-то упал, пришлось стряхнуть его.

Горный дух бросился вон, едва не выломав дверь.

— Невероятной силы человек он, оказывается, — докладывает горный дух *хану-нигу*.

— Коли так, проверить его смекалку! — говорит *ниг*.

Заставляют теперь Сыганак сразиться в шашки.

— Я согласен, — говорит Сыганак, — только играть буду на овечьи шкуры. Всех одолел Сыганак. Овечьи шкуры за его спиной множатся, уже не видно, кто их приносит, кажется, будто шкуры сами бегут к нему.

Говорят тогда горные духи Сыганаку:

— Теперь пой *хай* горловым пением. Выдержишь три дня и три ночи — вернёшься домой с золотом-серебром.

Три дня и три ночи пел Сыганак. Когда сон одолевал его, он спал грудью, не моргая глазами, сам же при этом продолжал петь. На третью ночь, ближе к рассвету, горные духи не выдержали и заснули мертвецким сном. Увидев это, Сыганак выбрался из пещеры через дыру, что той ночью была пробита в скале над его каменным ложем, и поспешил домой.

Вернувшись домой, говорит он своей жене:

— Скоро ко мне заявятся гости, горные духи. Когда придут, проводишь их на почётное место. Я скажу тебе: «Жена, давай покормим гостей, долгий путь они проделали». Ты же отвечай: «Мяса нет, что же мне им сварить?». А я будто рассержусь: «Ты, что, сдурела? Я же только вчера принёс в мешке головы... трёх горных духов... Свари их!».

Скоро и впрямь прибыли гости — двое горных духов с мешками. Открыли мешки, показывают: в одном — овечьи шкуры, в другом — золото-серебро.

Сыганак говорит жене:

— Жена, готов у тебя обед? Давай угощать гостей.

Жена отвечает так, как он её уже научил.

И только он произнёс: «Свари головы горных духов», как горные духи вскочили и опрометью бросились к двери. Сыганак смотрит — а у них за спинами сабли-*хылысы* торчат. Вышибли дверь горные духи и умчались — только пыль столбом стоит.

— Не хотели они уступать мне, вот и задумали расправиться со мной, — говорит жене Сыганак, — а мы вместо того, чтобы погибнуть, оказались с золотом да серебром!

Примечания

Гора Читі хыс — Семь девушек

Анжуль — название села.

тасхыл — *хак.* гора, представление о которой связано с покрытой снегом голой вершиной (*ах тасхыл* «белый тасхыл»). Этим *тасхыл* отличается от *таг*, которая является просто покрытой лесом горой.

Невеста горного духа

таг ээзі — *хак.* горный дух; хозяин горы

Человек, который зимовал в берлоге

отправился назад к своей избушке (отах) — *хакасская* охотничья избушка, наверно, больше напоминает шалаш. Но, с другой стороны, в *отах* можно столько напихать, там и очаг был, так что это, наверно, все-таки избушка только с земляным полом.

арага — *хак.* вино; нынче — водка. Гнали из молока.

Змеиноногая хозяйка-дух горы Ирт

гора Ирт — в названии горы зашифрована интрига спора двух рек, по-*хакасски* *иртерге* (*ирт-ерге*) означает «проходить, миновать» (ведь две реки миновали, проходили мимо этой горы).

Белоглазые богатыри-алыны Ах-Харах

аал — *хак.* деревня, селение

алын — *хак.* богатырь; великан

Ах-Харах — *хак.* Белый глаз

Харлыг-хан — *хак.* Снежный Хан (название горы)

Аев — *хак.* фамилия; название деревни

асхыр — *хак.* жеребец

маймах — *хак.* обувь с высокими голенищами, сшитая из камыса

айран — *хак.* молочный бодрящий напиток

кумыс (хымыс) — *хак.* кисломолочный напиток из кобыльего (реже коровьего) молока

Чайаан, иначе *Чаян* — *хак.* Верховное Божество; Божество Верхнего Мира

Ах-хан — *хак.* Белый хан, т.е. русский царь

Горная дева и *хомыс*

хомыс — *хак.* музыкальный струнный (смычный) инструмент

Кочим-хан — имя собственное. Вероятно, можно сопоставлять с Кучумом, ханом сибирских татар, боровшимся против русских казаков, которых возглавлял Ермак. В пользу этого говорит ремарка рассказчика (сказительницы) с указанием места действия — «к западу от места, где проживают кызыльцы»).

ниг — *хак.* начальник, правитель

пятьдесят косичек по плечам, шестьдесят по спине — многочисленные косички у девушки говорят о том, что она не замужем. У замужних женщин волосы заплетены в косы.

Светлый человек и охотник

сарыг кизи — букв. «желтый человек». *Сарыг* может пониматься и как «светлый».

хайджи — *хак.* мастер-рассказчик, сказитель, использующий метод горлового пения

Семь человеческих душ *хут*

хут — *хак.* душа

ўзўт — *хак.* черт, дьявол

улус — *хак.* доля

суг ээзи — *хак.* дух воды, речной дух; хозяин реки

Сыганак

ўгре — *хак.* мясной суп

хай — *хак.* своеобразный способ говорения речитативом и пения с участием усиленной работы горла и глотки.

хылыс — *хак.* сабля